

*На правах рукописи*

**Кочеров Олег Сергеевич**

**ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ФАКТОРОВ ВЛИЯНИЯ НА  
ВНЕШНЮЮ ПОЛИТИКУ КНР**

Специальность 23.00.04 –  
Политические проблемы международных отношений,  
глобального и регионального развития

**Автореферат**  
диссертации на соискание учёной степени  
кандидата политических наук

МОСКВА – 2019

Работа выполнена в Федеральном государственном бюджетном учреждении науки Институте философии Российской академии наук в секторе философии российской истории.

**Научный руководитель**

**Степанянц Мариэтта Тиграновна,**  
доктор философских наук,  
профессор, главный научный сотрудник  
Института Философии РАН

**Официальные оппоненты**

**Дробот Галина Анатольевна,**  
доктор политических наук, профессор,  
профессор факультета глобальных  
процессов МГУ имени М.В. Ломоносова.

**Ломанов Александр Владимирович,**  
доктор исторических наук, профессор РАН,  
главный научный сотрудник Центра  
Азиатско-тихоокеанских исследований  
Национального исследовательского  
института мировой экономики и  
международных отношений  
имени Е.М. Примакова РАН.

**Ведущая организация**

**Кафедра политической теории МГИМО-  
Университета МИД России.**

Защита состоится «\_\_» 2019 года на заседании Диссертационного совета Д 002.015.05 в Федеральном государственном бюджетном учреждении науки Институт философии Российской академии наук по адресу: 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1, зал Учёного совета Института философии Российской академии наук.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Института философии Российской академии наук, а также на сайте: <https://iphras.ru/page23091657.htm>

Автореферат разослан «\_\_» 2019 г.

**Учёный секретарь**

**Диссертационного совета Д 002.015.05,**  
кандидат политических наук, доцент

**И.М. Угрин**



## ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Географическая среда всегда остаётся неизменным и важнейшим аспектом в любых областях теории международных отношений. В то же время очевидно, что происходит расширение содержания геополитики в её взаимосвязи с мирополитической наукой. Так, классическая геополитика изучает зависимость внешнеполитической стратегии от географического окружения и во многом исходит из тех же положений, что и теория политического реализма (в частности, из идеи о борьбе как единственном способе выживания политического организма). Геоэкономика<sup>1</sup> уже гораздо ближе к марксистской школе международных отношений и либералам (например, С. Коэн и его концепция «путеворотов»<sup>2</sup>). Наконец, в 1990-е гг. возникают конструктивизм и иные критические теории международных отношений. Одновременно с этим в 1991 г. выходят две работы: «Что такое философия»<sup>3</sup> Ж. Делеза и Ф. Гваттари, в которой продолжается развитие концепта «детерриториализации», заложенного в более раннем труде «Тысяча плато»<sup>4</sup>, и вводится понятие «геофилософия», а также «Геополитика и геокультура» И. Валлерстайна<sup>5</sup>. Культура и философия, конечно, играли важнейшую роль в становлении мирополитической науки и геополитики (достаточно вспомнить труды Н. Макиавелли<sup>6</sup>, Т. Гоббса<sup>7</sup>, И. Канта<sup>8</sup>), но только со становлением критических теорий культура начинает анализироваться как фактор влияния на внешнеполитическую стратегию

---

<sup>1</sup> *Amin S. Imperialism and Unequal Development. NY: Monthly Review Press, 1977. 267 p.; Wallerstein I. World-System Analysis: An Introduction. Duke University Press, 2004. 109 p.*

<sup>2</sup> *Cohen S. Geopolitics: The Geography of International Relations. Lanham: Rowman & Littlefield, 2015. 491 p.*

<sup>3</sup> *Делёз Ж., Гваттари Ф. Что такое философия? / Пер. с фр. С.Н. Зенкина/ - М.: Институт экспериментальной социологии, 1998. – 288 с.*

<sup>4</sup> *Делёз Ж., Гваттари Ф. Тысяча плато. Капитализм и шизофрения / Пер. с фр. Я.И. Свирского/ - М.: Астрель, 2010. - 895 с.*

<sup>5</sup> *Wallerstein I. Geopolitics and Geoculture: Essays on the Changing World-Systems. Cambridge University Press, 1991. 125 p.*

<sup>6</sup> *Макиавелли Н. Сочинения / под ред. А.К. Дживелегова/ - М.: Academia, 1934. - 507 с.*

<sup>7</sup> *Гоббс Т. Сочинения в двух томах. Том 2 / пер. с латин. и англ. Н. Федорова, А. Гутермана/ - М.: Мысль, 1991. - 731 с.*

<sup>8</sup> *Кант И. К вечному миру // Соч.: в 8 т. М., 1994. Т. 7. - С. 5–56.*

государства. В то же время при подобном анализе возникает множество проблем: непонятно, при помощи каких механизмов культура влияет на домен политического, насколько сильно и постоянно это влияние, каковы закономерности теории международных отношений в оптике культуралистического подхода. В связи с этими трудностями конструктивизм до сих пор не оформился в полновесную теорию, способную выступить в качестве альтернативы традиционным школам реализма, либерализма и марксизма. Точно так же и геокультурный анализ, находящийся на ранней стадии своего становления, пока ещё не обладает достаточной объяснительной силой. Таким образом, в то время как классическая геополитика и геоэкономика довольно подробно изучили и описали соответствующие факторы влияния на внешнюю политику государства, культура как фактор влияния (или набор таких факторов) до сих пор недостаточно раскрыта. Построение полноценной конструктивистской теории с привлечением геокультурного анализа представляется одной из важнейших задач современной теории международных отношений.

Одним из наиболее перспективных подходов в изучении факторов влияния на внешнюю политику является теория стратегической культуры, начавшая развиваться в 80-90-е гг. прошлого века. Синтезируя исследования в области теории международных отношений и геополитики, политической культуры и политической философии, культурной антропологии и когнитивной психологии, а также целого ряда иных дисциплин, теория стратегической культуры разрабатывает проблематику влияния культуры на стратегические действия государств на мировой арене. Будучи крайне молодой теорией, стратегическая культура пока ещё не обладает выверенным аналитическим аппаратом, и исследования в этой области довольно фрагментарны: например, зачастую геокультуре уделяется недостаточно внимания, и практически полностью игнорируется продуктивность анализа стратегических игр. В то же время наблюдается положительная динамика, как в количестве, так и в качестве,

исследований в области стратегической культуры, поскольку их популярность и значимость всё более возрастают в связи с усилением «незападных» акторов международных отношений. Последние действуют в соответствии не только с объективными условиями международной среды, но и своей субъективностью, а также способами бытийствования. Ярким примером такого актора является Китай, чья внешнеполитическая деятельность выбрана в качестве объекта диссертационного исследования.

Стремительные изменения происходят в то же время в самом научном познании. Включение в научный мир, построенный во многом на основе западной культуры, незападных элементов размывает понятие научной рациональности и выработанные в западной традиции критерии научности. Подвергаются критике за свой универсализм основные теории и понятия в самых разных областях знания. Очевидно, что и теория международных отношений, на нынешнем этапе до сих пор являющаяся продуктом «мёртвых белых мужчин»<sup>9</sup>, нуждается не только в корректировке, но и во включении в свой аппарат незападного опыта. Так, Амитав Ачарья задаётся резонными вопросами: почему период, начавшийся после окончания Второй мировой войны, принято называть «длинным миром» (long peace), если при этом за пределами Европы бушевало множество кровавых конфликтов? Почему при изучении проблем войны и мира и, в частности, при конструировании теории демократического мира игнорируются колониальные войны? Наконец, почему, говоря об идеях, которые повлияли на становление теории международных отношений, «мы столько внимания уделяем Фукидиду, Макиавелли, Гоббсу, Локку и Канту – и так мало Ашоке, Каутилье, Сунь-цзы, Ибн Хальдуну, Дж. Неру, Р. Пребишу, Ф. Фанону и многим иным представителям развивающихся стран?»<sup>10</sup>. Использование западных концепций при анализе и прогнозировании

---

<sup>9</sup> Bromley V. *Feminisms Matter: Debates, Theories, Activism*. University of Toronto Press, 2012. P. 92.

<sup>10</sup> Acharya A. *Global International Relations (IR) and Regional Worlds: A New Agenda for International Studies // International Studies Quarterly*, 2014, No. 58. Pp.2-3.

мирополитических процессов в незападном мире приводит к соответствующему восприятию тех или иных явлений. Возвышение КНР с точки зрения западного политического реализма обязательно будет связано с многочисленными конфликтами между Китаем и его соседями<sup>11</sup>. Но такая интерпретация лишь «механически проецирует модели конфликтности на восточноазиатскую региональную почву», тогда как при анализе событий в конфуцианском культурном ареале следовало бы использовать другую методологию – например, теорию создания «гармоничного мира»<sup>12</sup>. Хотя в самом Китае до сих пор нет единого мнения относительно того, необходимо ли создать китайскую школу международных отношений<sup>13</sup>, даже противники этой идеи обращаются к китайскому историческому опыту в своём анализе мирополитических процессов.

Таким образом, исследование китайской культуры и философии как факторов влияния на китайскую внешнеполитическую стратегию является ответом на процессы, происходящие как в науке в целом, так и в теории международных отношений и геополитике и их китайских «ответвлениях» в частности.

**Актуальность исследования.** Актуальность проблемы обусловлена, с одной стороны, повышением удельного веса КНР в мирополитических процессах на современном постбиполярном этапе; её противостоянием американской модели мирового порядка; несогласием с принятием западноцентричной политической философии и теории международных отношений как универсальной; стремлением к опоре на традиционные китайские философско-культурные концепты при разработке

---

<sup>11</sup> В западной политической теории известна т.н. «Ловушка Фукидида», концептуализированная А. Грэхэмом. Эта концепция гласит, что значительное усиление какого-либо государства вызывает опасения у уже господствующей державы, что приводит к стремительной эскалации конфликта между ними.

<sup>12</sup> Лузянин С.Г. Внешняя политика Китая в «ближнем круге». Модель 2010 // Обозреватель. – 2010. - №5. - С. 66.

<sup>13</sup> Королев А., Чжан Жуйчжуан. Теория международных отношений с китайской спецификой: современное состояние и тенденции развития // Проблемы Дальнего Востока. – 2010. - №3. - С. 96-110.

внешнеполитической доктрины. С другой стороны – недостаточной разработанностью рассматриваемых проблем в научной литературе, что обусловлено их относительной новизной.

Во-первых, до сих пор слабо изучена структура стратегической культуры и влияние на неё традиционных философских представлений, слабо разработана проблема её диахронического развития, недостаточно исследований в области сравнения разных стратегических культур. В то же время динамика современных мирополитических процессов и включение в них всё большего числа акторов, руководствующихся в своих решениях близкой им стратегической культурой, свидетельствует о необходимости более тщательного анализа этого понятия. Для России особенно актуальным представляется изучение китайской стратегической культуры в свете динамики отношений в треугольнике Китай-Россия-США, а также в связи с необходимостью лучшего понимания важнейшего российского соседа для расширения многоуровневого сотрудничества и преодоления традиционных трудностей (например, представления о «жёлтой угрозе»).

Во-вторых, изучение китайской стратегической культуры особенно важно в связи с тем, что большинство исследований на эту тему повторяют тезис о существовании лишь двух парадигм (конфуцианского пацифизма и реальной политики) в китайской стратегической мысли. Впервые эта идея была высказана А. Джонстоном в его работе «Культурный реализм»<sup>14</sup>, после чего дискуссия велась по большей части лишь о соотношении этих двух парадигм в тот или иной период или в китайской истории в целом. Тем не менее, сведение китайской стратегической культуры лишь к двум парадигмам (а по результатам исследования – по сути, к одной, которая, по мнению Джонстона, ничем не отличается от западного политического реализма) представляется чрезмерным упрощением китайской политической мысли и геокультурной картины мира,

---

<sup>14</sup> Johnston A. Cultural Realism: Strategic Culture and Grand Strategy in Chinese History. Princeton: Princeton University Press, 1998. 322 p.

приводящим к значительному искажению понимания намерений китайской стороны. Таким образом, существует объективная необходимость пересмотра изначального тезиса о наличии лишь двух парадигм в китайской стратегической культуре, для чего необходимо обращение к богатой китайской философской традиции, а также к иным источникам китайской стратегии.

В-третьих, хотя игрофикация социальных процессов – не новое явление, его исследование началось лишь в 2010-х в связи с распространением компьютерных технологий. В большинстве случаев изучается лишь педагогический аспект игрофикации, т.е. применение игровых методов для повышения эффективности обучения, и практически игнорируется другой аспект – влияние игры на человеческую деятельность. Исследование того, какое воздействие игра оказывает на разные стратегические культуры, как область игрового вторгается в область политического и формирует стратегию, представляет значимость для социологии международных отношений. Особенно важно в этом плане изучение взаимосвязи между игрой и той культурой, которая её породила. В частности, игра вэйци представляет собой модель принятия стратегических решений в культурно воспринимаемом пространстве, что обуславливает её значимость для анализа китайской внешнеполитической стратегии.

**Степень научной разработанности проблемы.** Диссертационное исследование выполнено в рамках социологии международных отношений и, в частности, конструктивистского подхода (М. Барнетт<sup>15</sup>, Т. Бирстекер<sup>16</sup>, А. Вендт<sup>17</sup>, Н. Онуф<sup>18</sup>, Э. Саид<sup>19</sup>, М. Финнемор<sup>20</sup>, Дж. Энн Тикнер<sup>21</sup>). Учтены идеи

---

<sup>15</sup> Barnett M. *The International Humanitarian Order*. NY: Routledge, 2010. 230 p.

<sup>16</sup> *State sovereignty as social construct* // ed. by Biersteker J.T., Weber C. Cambridge University Press, 1996. 298 p.

<sup>17</sup> Wendt A. *Social Theory of International Politics*. Cambridge University Press, 1999. 429 p.

<sup>18</sup> Onuf N.G. *Making Sense, Making Worlds: Constructivism in Social Theory and International Relations*. NY: Routledge, 2013. 230 p.

<sup>19</sup> Саид Э.В. *Ориентализм. Западные концепции Востока* / пер. с англ. А.В. Говорунова/ - СПб.: Русский мир, 2006. - 640 с.

<sup>20</sup> *Back to Basics: State Power in a Contemporary World* / ed. by Finnemore M., Goldstein J. Oxford University Press, 2013. 376 p.

неоклассического реализма, представленного в работах Р. Джервиса<sup>22</sup>, Ф. Закарии<sup>23</sup>, Г. Роуза<sup>24</sup>. Фундаментально значимы исследования в рамках цивилизационного подхода: Н. Данилевского<sup>25</sup>, К. Куигли<sup>26</sup>, А. Тойнби<sup>27</sup>, С. Хантингтона<sup>28</sup>, О. Шпенглера<sup>29</sup>.

При написании работы использованы труды представителей российской теории международных отношений: Т.А. Алексеевой<sup>30</sup>, А.Д. Богатурова<sup>31</sup>, К.С. Гаджиева<sup>32</sup>, М.М. Лебедевой<sup>33</sup>, И.Н. Панарина<sup>34</sup>, А.В. Торкунова<sup>35</sup>, Д.В. Тренина<sup>36</sup>, П.А. Цыганкова<sup>37</sup>, А.Н. Чумакова<sup>38</sup>, а также зарубежных политических исследователей: З. Бжезинского<sup>39</sup>, Э. Люттвака<sup>40</sup>, А. Уолферса<sup>41</sup>. Привлекались работы классиков традиционной геополитики – Х. Макиндера<sup>42</sup>, А. Мэхэна<sup>43</sup>, К. Хаусхофера<sup>44</sup>, но в целом понятие геополитического в диссертационном исследовании представлено с опорой на представителей

<sup>21</sup> *Tickner J.A.* Gendering World Politics: Issues and Approaches in the Post–Cold War Era. Columbia University Press, 2001. 200 p.

<sup>22</sup> *Jervis R.* Perception and Misperception in International Politics. Princeton University Press, 2017. 445 p.

<sup>23</sup> *Zakaria F.* The Post-American World. NY: W.W. Norton & Company, 2008. 292 p.

<sup>24</sup> *The Clash of Ideas: The Ideological Battles That Made the Modern World- And Will Shape the Future // ed. by Rose G., Terperman J.* Foreign Affairs, 2011. 348 p.

<sup>25</sup> *Данилевский Н.Я.* Россия и Европа: взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германо-романскому. - М.: Институт русской цивилизации, 2008. - 816 с.

<sup>26</sup> *Quigley C.* The Evolution of Civilizations. Liberty Fund, 1979. 444 p.

<sup>27</sup> *Тойнби А.* Постигание истории / пер. с англ. *Е.Д. Жаркова*/ - М.: Айрис Пресс, 2010. 521 с.

<sup>28</sup> *Хантингтон С.* Столкновение цивилизаций / пер. с англ. *Ю. Новикова*/ - М.: АСТ, 2003. - 603 с.

<sup>29</sup> *Шпенглер О.* Закат Западного мира / пер. с англ. *И.И. Маханькова*/ - М.: Альфа-книга, 2017. - 1088 с.

<sup>30</sup> *Алексеева Т.А.* Химеры страны Оз: «культурный поворот» в теории международных отношений // Международные процессы. – 2012. - Т. 10. - №3-4. - С. 4-19.

<sup>31</sup> *Богатуров А.Д.* Великие державы на Тихом океане. - М.: Конверт-Монф, 1997. - 352 с.

<sup>32</sup> *Гаджиев К.С.* Введение в геополитику. - М.: Логос, 2001. - 432 с.

<sup>33</sup> *Лебедева М.М.* Центральная Азия. Социально-гуманитарное измерение. - М.: Аспект Пресс, 2016. - 224 с.

<sup>34</sup> *Панарин И.Н.* Информационная война и геополитика. - М.: Поколение, 2006. - 560 с.

<sup>35</sup> *Торкунов А.В., Денисов В.И., Ли Вл.Ф.* Корейский полуостров. Метаморфозы послевоенной истории. - М.: Олма Медиа Групп, 2008. - 560 с.

<sup>36</sup> *Тренин Д.В.* Post-imperium: евразийская история. - М.: Российская политическая энциклопедия, 2012. - 326 с.

<sup>37</sup> *Цыганков П.А.* Международные отношения: социологические подходы. - М., 1998. - 331 с.

<sup>38</sup> *Чумаков А.Н.* Глобализация: контуры целостного мира. - М.: Проспект, 2014. - 432 с.

<sup>39</sup> *Бжезинский З.* Великая шахматная доска: господство Америки и его геостратегические императивы / пер. с англ. *О.Ю. Уральской, А.Е. Нарочницкой, Ю. Н. Кобякова*/ - М.: АСТ, 2014. - 702 с.

<sup>40</sup> *Luttwak E.N.* Strategy and Politics: Collected Essays. New Brunswick, Transaction Inc., 1982. 328 p.

<sup>41</sup> *Wolfers A.* Discord and Collaboration: Essays on International Politics. Baltimore: The Johns Hopkins Press, 1962. 283 p.

<sup>42</sup> *Mackinder H.* Democratic Ideals and Reality. NY: Henry Holt and Company, 1919. 266 p.

<sup>43</sup> *Mahan A.T.* The Influence of Sea Power Upon History, 1660-1783. Dover Publications, 1987. 656 p.

<sup>44</sup> *Хаусхофер К.* О геополитике / пер. с нем. *И.Г. Усачева*/ - М.: Мысль, 2001. - 426 с.

критической школы геополитики – Д. Грегори<sup>45</sup>, К. Доддса<sup>46</sup>, С. Долби<sup>47</sup>, Ф. Моро-Дефаржа<sup>48</sup>, И. Рамоне<sup>49</sup>, Дж. Тоала<sup>50</sup>, Д. Эгнью<sup>51</sup>.

Теория стратегической культуры изучалась в работах Б. Були<sup>52</sup>, К. Бута<sup>53</sup>, К. Грея<sup>54</sup>, К. Даека<sup>55</sup>, Д. Джонса<sup>56</sup>, Дж. Линна<sup>57</sup>, Р. Пайпса<sup>58</sup>, Дж. Снайдера<sup>59</sup>, Т.А. Алексеевой<sup>60</sup>, М.И. Рыхтика<sup>61</sup>. Китайская стратегическая культура выступала объектом исследования в трудах М. Бёрлса<sup>62</sup>, А. Джонстона<sup>63</sup>, А. Гизелли<sup>64</sup>, Э. Лэтхэма<sup>65</sup>, Э. Скобелла<sup>66</sup>, Ли Цзицзюня<sup>67</sup>, Мэнь Хунхуа<sup>68</sup>, Тецзюнь Чжана<sup>69</sup>, У Чуньцю<sup>70</sup>, Хуан Пяомина<sup>71</sup>, Хуэйюнь Фэн<sup>72</sup>, Цинь Яцина<sup>73</sup>,

<sup>45</sup> Violent Geographies: Fear, Terror and Political Violence // ed. by Gregory D., Pred A. Routledge, 2007. 390 p.

<sup>46</sup> Dodds K. Global Geopolitics: A Critical Introduction.

<sup>47</sup> Rethinking Geopolitics // ed. by G. Tuathail & S. Dalby. Routledge, 1998. 333 p.

<sup>48</sup> Моро-Дефарж Ф. Введение в геополитику. - М.: Конкорд, 1996. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://grachev62.narod.ru/dfrg/content.htm>.

<sup>49</sup> Ramonet I., Secario A. Geopolitics of Chaos. Algora Publishing, 1998. 178 p.

<sup>50</sup> Tuathail G. Critical Geopolitics. Routledge, 1996. 250 p.

<sup>51</sup> Agnew G. Geopolitics: Re-visioning World Politics. Routledge, 2003. 154 p.

<sup>52</sup> Buley B. The New American Way of War. Routledge, 2008. 201 p.

<sup>53</sup> Booth K. Strategy and Ethnocentrism. NY: Holmes & Meier Publishers, 1979. 191 p.

<sup>54</sup> Gray C. Strategic Culture as Context: The First Generation of Theory Strikes Back // Review of International Studies, 1999, Vol. 25, No. 1. Pp. 49-69.

<sup>55</sup> Dueck C. Reluctant Crusaders: Power, Culture, and Change in American Grand Strategy. Princeton: Princeton University Press, 2006. 224 p.

<sup>56</sup> Strategic Power: USA/USSR / edited by C. Jacobsen. London, Palgrave Macmillan, 1990. 519 p.

<sup>57</sup> Lynn J. Battle: A History of Combat and Culture. NY: Basic Books, 2004. 464 p.

<sup>58</sup> Pipes R. Why the Soviet Union Thinks It Could Fight & Win a Nuclear War / Commentary, July 1, 1977.

<sup>59</sup> Snyder J. The Soviet Strategic Culture: Implications for Nuclear Options. Santa Monica: RAND Corporation, 1977. 40 p.

<sup>60</sup> Алексеева Т.А. Стратегическая культура: эволюция концепции // Полис. – 2012. - № 5. - С. 130-147.

<sup>61</sup> Рыхтик М.И. Стратегическая культура и новая концепция национальной безопасности США // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Международные отношения, Политология, Регионоведение. - 2003. - №1. - С. 203-219.

<sup>62</sup> Burles M. Patterns in China's Use of Force: Evidence from History and Doctrinal Writings. RAND, 2000. 106 p.

<sup>63</sup> Johnston A. Cultural Realism: Strategic Culture and Grand Strategy in Chinese History. Princeton: Princeton University Press, 1998. 322 p.

<sup>64</sup> Ghiselli A. Revising China's Strategic Culture: Contemporary Cherry-Picking of Ancient Strategic Thought // The China Quarterly, Vol. 233, 2018. Pp. 166-185.

<sup>65</sup> Latham A. The Confucian Continuities of Chinese Geopolitical Discourse // Macalester International, 2007, Vol.18. pp. 243-251.

<sup>66</sup> Scobell A. China's Use of Military Force: Beyond the Great Wall and the Long March. Cambridge University Press, 2003. 300 p.

<sup>67</sup> Ли Цзицзюнь. Цзюньши чжаньлюэ сывэй [Военно-стратегическая мысль]. - Цзюньши кэсюэ чубаньшэ, 1998. - 392 с.

<sup>68</sup> Мэнь Хунхуа. Чжунго чжаньлюэ вэньхуа дэ чунгоу: и сян яньцзю ичэн [Реконструкция китайской стратегической культуры: программа исследований] // Цзяосюэ ю яньцзю [Обучение и исследование]. – 2006. - №1. - С. 57-63.

<sup>69</sup> Tiejun Zhang. Chinese Strategic Culture: Traditional and Present Features // Comparative Strategy, 2002, Vol. 21, Issue 2. Pp. 73-90.

Е.В. Гулиной<sup>74</sup>, О.А. Колобова и И.В. Шамина<sup>75</sup>, Л.С. Крашенинниковой<sup>76</sup>, С.Ю. Распертовой<sup>77</sup>.

Важную роль в написании настоящей работы сыграли материалы экспертов в области древнекитайской политической истории: С.И. Блюмхена<sup>78</sup>, Л.С. Васильева<sup>79</sup>, М.В. Крюкова<sup>80</sup>, Г.С. Поповой<sup>81</sup>, М.Ю. Ульянова<sup>82</sup>, М.С. Хаютиной<sup>83</sup>, С. Аллан<sup>84</sup>, Д. Китли<sup>85</sup>, Фань Вэнь-лань<sup>86</sup>, Дж. Хендерсона<sup>87</sup>.

<sup>70</sup> У Чуньцю. Лунь да чжаньлюэ хэ шицзе чжаньчжэн ши [История мировых войн и большой стратегии]. - Цзефанцзюнь чубаньшэ, 2002. - 338 с.

<sup>71</sup> Хуан Пяоминь. Жуцзя дэ цзюньши вэньхуа чуньтун ю Хэ Сю дэ чжаньчжэн гуаньнянь [Конфуцианская традиция военной культуры и военная мысль Хэ Сю] // Цзюньши лишэ яньцзю [Исследования военной истории]. – 1999. - №2. - С. 141-149.

<sup>72</sup> Huiyun Feng. Chinese Strategic Culture and Foreign Policy Decision-Making: Confucianism, Leadership and War. NY: Routledge, 2007. 185 p.

<sup>73</sup> Цинь Яцин. Гоцзя шэньфэнь, чжаньлюэ вэньхуа хэ аньцюань ли и – гуанью Чжунго ю гоцзи шэхуэй гуаньси дэ сангэ цзяшэ [Национальная идентичность, стратегическая культура и интересы безопасности – три гипотезы об отношениях Китая и международного сообщества] // Шицзе цзинцзи ю чжэнчжи [Глобальная экономика и политика]. – 2003. - №1. - С. 10-15.

<sup>74</sup> Гулина Е.В. Стратегическая культура и внешнеполитическая традиция КНР в межгосударственных отношениях. Значение для российско-китайского регионального взаимодействия на примере Центральной Азии // Исторические события в жизни Китая и современность. Материалы IV Всероссийской научной конференции Центра изучения новейшей истории Китая и его отношений с Россией Института Дальнего Востока РАН. ИДВ РАН, 2016. - С. 10-18.

<sup>75</sup> Колобов О.А., Шамин И.В. Базовые принципы китайской стратегической культуры осуществления геополитического противоборства на межгосударственном уровне // Международные отношения. Политология. Регионоведение Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2011. - № 1. - С. 312-321.

<sup>76</sup> Крашенинникова Л.С. Влияние китайской стратегической культуры на ядерную политику КНР // Вестник Московского Университета: Международные отношения и мировая политика. - 2015. - Т. 7. - №3. - С. 142-168.

<sup>77</sup> Распертова С.Ю. К вопросу об исследовании китайской «стратегической культуры» // Познание стран мира: история, культура, достижения. - 2013. - №1. - С. 102-107.

<sup>78</sup> Блюмхен С.И. «Большая игра» времён Чунь-цю // Общество и государство в Китае. - 2017. - №22-1. - С. 36-67.

<sup>79</sup> Васильев Л.С. Культы, религии, традиции в Китае. - М.: «Восточная литература» РАН, 2001. - 488 с.

<sup>80</sup> Крюков М.В., Софронов М.В., Чебоксаров Н.Н. - Древние китайцы: проблемы этногенеза. М.: Наука, 1978. - 342 с.

<sup>81</sup> Попова Г.С. Процесс формирования и особенности датировки мифологического слоя Шуцзина // Общество и государство в Китае. - 2013. - Т. XLIII. - Ч. 1. - М.: ИВ РАН. - С. 383-392.

<sup>82</sup> Бамбуковые анналы: древний текст (Гу бэнь чжу шу цзи нянь) / пер. с кит. М.Ю. Ульянова/ - М., Восточная литература РАН, 2005. - 311 с.

<sup>83</sup> Хаютина М.С. Приём беглецов в условиях мультигосударственной системы древнего Китая: предварительные наблюдения // Общество и государство в Китае. - 2009. - №39-1. - С. 23-36.

<sup>84</sup> Allan S. The Shape of the Turtle: Myth, Art, and Cosmos in Early China. NY, State University of New York Press, 1991. 244 p.

<sup>85</sup> Keightley D. The Ancestral Landscape: Time, Space, and Community in Late Shang China (ca. 1200–1045 bc). Berkeley, Institute of East Asian Studies, 2000. 209 p.

<sup>86</sup> Фань Вэнь-лань. Древняя история Китая: от первобытно-общинного строя до образования централизованного феодального государства. - М.: Академия наук СССР, 1958. - 295 с.

<sup>87</sup> Henderson J. The Development and Decline of Chinese Cosmology. NY, Columbia University Press, 1984. 331 p.

Огромный пласт исследовательских материалов создан в области древнекитайской философии, в частности, философии политической. Это работы Л.С. Васильева<sup>88</sup>, А.И. Кобзева<sup>89</sup>, В.В. Малявина<sup>90</sup>, Л.С. Переломова<sup>91</sup>, С.Ю. Рыкова<sup>92</sup>; среди зарубежных учёных – Вин-цзит Чана<sup>93</sup>, М. Гране<sup>94</sup>, Э. Грэма<sup>95</sup>, Ду Вэймина<sup>96</sup>, М. Лоуи<sup>97</sup>, М. Льюиса<sup>98</sup>, Ю. Пинеса<sup>99</sup>, К. Фрэйзера<sup>100</sup>, Дж. Фэрбэнка<sup>101</sup>, Р. Эймса<sup>102</sup>. Проблематика китайской рациональности рассматривалась в работах В.Е. Еремеева<sup>103</sup>, А.М. Карапетьянца<sup>104</sup>, А.И. Кобзева<sup>105</sup>, А.А. Крушинского<sup>106</sup>, В.С. Спирина<sup>107</sup>, А. Грэма<sup>108</sup>, Дж. Нидэма<sup>109</sup>. Возрождение конфуцианской мысли в современном Китае анализируется в

---

<sup>88</sup> Васильев Л.С. Культы, религии, традиции в Китае. - М.: «Восточная литература» РАН, 2001. - 488 с.

<sup>89</sup> Кобзев А.И. Учение о символах и числах в китайской классической философии. - М.: Наука, 1993. - 432 с.

<sup>90</sup> Малявин В.В. Китайская военная стратегия. - М.: АСТ, 2002. - 432 с.

<sup>91</sup> Переломов Л.С. Конфуций и конфуцианство с древности по настоящее время (V в. до н.э. – XXI в.). - М.: Сталсервис, 2009. - 704 с.

<sup>92</sup> Рыков С.Ю. Древнекитайская философия: курс лекций. - М.: ИФРАН, 2012. - 312 с.

<sup>93</sup> Wing-tsit Chan. A Source Book in Chinese Philosophy. New Jersey: Princeton University Press, 1963. 856 p.

<sup>94</sup> Гране М. Китайская мысль от Конфуция до Лаоцзы / пер. с фр. В.Б. Иорданского/ - М.: Республика, Алгоритм, 2008. - 528 с.

<sup>95</sup> Graham A.C. Disputers of the Tao: Philosophical Argument in Ancient China. LaSalle, Open Court, 1989. 502 p.

<sup>96</sup> Tu Wei-ming. Way, Learning, and Politics: Essays on the Confucian Intellectual. Albany: State University of New York Press, 1993. 226 p.

<sup>97</sup> Early Chinese Texts // ed. by M. Loewe. Institute of East Asian Studies, 1994. 546 p.

<sup>98</sup> Lewis M. Sanctioned Violence in Early China. State University of New York Press, 1990. 374 p.

<sup>99</sup> Pines Y. "The One That Pervades the All" in Ancient Chinese Political Thought: The Origins of 'The Great Unity' Paradigm" // T'Oung Pao, 2000, vol. 86, no. 4/5. Pp. 280–324.

<sup>100</sup> Fraser C. The Mozi and Just War Theory in Pre-Han Thought // The 2014 Workshop on International Perspectives in the Research of the Mohist Thought, Taipei, Taiwan, 18 October 2014.

<sup>101</sup> Kierman F.A., Fairbank J.K. Chinese Ways in Warfare. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1974. 576 p.

<sup>102</sup> Ames R. The Art of Rulership: A Study of Ancient Chinese Political Thought. SUNY Press, 1994. 277 p.

<sup>103</sup> Еремеев В.Е. Символы и числа «Книги перемен». - М., Ладомир, 2005. - 600 с.

<sup>104</sup> Карапетьянц А.М. Древнекитайская системология и ее материальная основа // XIX НКОГК: Тезисы докладов: В 3 ч. Ч. 1. - М., 1988.

<sup>105</sup> Кобзев А.И. Учение о символах и числах в китайской классической философии. - М.: Наука, 1993. - 432 с.

<sup>106</sup> Крушинский А.А. Логика Древнего Китая : автореф. дис. ... д-ра философ. наук : 09.00.07. - М.: МГУ им. М.В. Ломоносова. - 2006. - 44 с.

<sup>107</sup> Спирин В.С. Рационализм в классической китайской философии // Архив российской китаистики. Т. II. М.: Наука - Вост. лит., 2013. - С. 34-101.

<sup>108</sup> Graham A.C. Yin-Yang and the Nature of Correlative Thinking. Singapore, The Institute of East Asian Philosophies, 1986. 94 p.

<sup>109</sup> Needham J. Science and Civilization in China. Vol.2, History of Scientific Thought. Cambridge, At The University Press, 1956. 697 p.

трудах Д. Белла<sup>110</sup>, С. Биллуа<sup>111</sup>, Жуйпин Фана<sup>112</sup>, Инцзе Го<sup>113</sup>, П. Лайнбарджера<sup>114</sup>, М. Чанг<sup>115</sup>.

Отдельно стоит упомянуть “*summa sinologiae*” отечественной мысли – монументальную энциклопедию «Духовная культура Китая» под редакцией М.Л. Титаренко, А.И. Кобзева и А.Е. Лукьянова<sup>116</sup>, работы «Древний Китай» Л.С. Васильева<sup>117</sup> и «История Китая с древнейших времён до начала XXI века» под редакцией С.Л. Тихвинского<sup>118</sup>, а среди западной литературы – Кембриджскую историю Китая<sup>119</sup>.

Современная китайская стратегия, в том числе и сквозь призму китайской философской традиции, также представлена во многих работах отечественных и зарубежных исследователей: В.Г. Бурова<sup>120</sup>, А.В. Виноградова<sup>121</sup>, А.Д. Воскресенского<sup>122</sup>, Ю.М. Галеновича<sup>123</sup>, Е.Н. Грачикова<sup>124</sup>, Г.А. Дробот<sup>125</sup>, П.Б.

---

<sup>110</sup> Bell D. *China's New Confucianism: Politics and Everyday Life in a Changing Society*. Princeton University Press, 2008. 240 p.

<sup>111</sup> Billioud S. *Carrying the Confucian Torch to the Masses: The Challenge of Structuring the Confucian Revival in the People's Republic of China* // *Oriens Extremus*, 2010, No. 49. Pp. 201-224

<sup>112</sup> *The Renaissance of Confucianism in Contemporary China* // ed. by Ruiping Fan. Springer, 2011, 266 p.

<sup>113</sup> Yingjie Guo. *Cultural Nationalism in Contemporary China (Routledge Studies on China in Transition)*. Routledge, 2003. 208 p.

<sup>114</sup> Linebarger P. *The Political Doctrines of Sun Yat-sen: An Exposition of the San Min Chu I*. Greenwood Press, Connecticut, 2012. 318 p.

<sup>115</sup> Chang M, Joseph A. *Return Of The Dragon: China's Wounded Nationalism*. Westview Press, 2001. 272 p.

<sup>116</sup> *Духовная культура Китая: энциклопедия: в 5 т. Т. 1. Философия* / ред. М.Л.Титаренко, Л.С. Переломов, В.Н. Усов, С.М. Аникеева, А.Е. Лукьянов, А.И. Кобзев/ - М.: «Восточная литература» РАН, 2006. - 727 с.; *Духовная культура Китая: энциклопедия: в 5 т. Т. 2. Мифология. Религия* / ред. М.Л.Титаренко, Б.Л.Рифтин, А.И.Кобзев, А.Е.Лукьянов, Д.Г.Главева, С.М.Аникеева/ - М.: «Восточная литература» РАН, 2007. - 869 с.

<sup>117</sup> Васильев Л.С. *Древний Китай. Том 1. Предыстория, Шан-Инь, Западное Чжоу (до VIII в. до н.э.)*. - М.: «Восточная литература» РАН, 1995. - 379 с.; Васильев Л.С. *Древний Китай. Том 2. Период Чуньцю (VIII – V вв. до н.э.)*. - М.: «Восточная литература» РАН, 2000. - 623 с.; Васильев Л.С. *Древний Китай. Том 3. Период Чжаньго (V – III вв. до н.э.)*. - М.: «Восточная литература» РАН, 2006. - 679 с.

<sup>118</sup> *История Китая с древнейших времён до начала XXI века. Т. 1. Древнейшая и древняя история (по археологическим данным). От палеолита до V в. до н.э.* / Гл ред. С.Л. Тихвинский, отв. ред. А.П. Деревянко/ - М.: Наука – Вост. лит., 2016. - 974 с.

<sup>119</sup> *The Cambridge History of Ancient China* / edited by M. Loewe, E.L. Shaughnessy. Cambridge University Press, 1999. 1149 p.

<sup>120</sup> Буров В.Г. *Китай и китайцы глазами российского учёного*. - М.: ИФ РАН, 2000. - 206 с.

<sup>121</sup> Виноградов А.В. *Внутриполитические вызовы Китаю в начале XXI века // Сравнительная политика*. - 2017. - Т. 8. - №3. - С. 131-145.

<sup>122</sup> Воскресенский А.Д. *Китай и Россия в Евразии: историческая динамика политических взаимовлияний*. - М.: Восток-Запад, 2004. - 603 с.

<sup>123</sup> Галенович Ю.М. *«Войны Нового Китая» и его дипломатическая служба*. - М.: Восточная книга, 2012. - 640 с.

Каменнова<sup>126</sup>, Б.В. Кашина<sup>127</sup>, В.А. Корсуна<sup>128</sup>, А.Г. Ларина<sup>129</sup>, А.В. Ломанова<sup>130</sup>, С.Г. Лузянина<sup>131</sup>, А.В. Лукина<sup>132</sup>, А.Ч. Мокрецкого<sup>133</sup>, В.Я. Портякова<sup>134</sup>, Е.И. Сафроновой<sup>135</sup>, К.Л. Сыроежкина<sup>136</sup>, М.Л. Титаренко<sup>137</sup>, С.В. Уянаева<sup>138</sup>, Д. Белла<sup>139</sup>, Г. Киссинджера<sup>140</sup>, М. Лантейна<sup>141</sup>, Чжию Ши<sup>142</sup>, Д. Шамбо<sup>143</sup>, С. Ширк<sup>144</sup>, Яна Сюэтуна<sup>145</sup>.

Наконец, немногочисленную, но важную часть материалов, использованных при написании диссертационного исследования, составили опыты анализа вэйци как модели китайской геополитики в работах С. Бурмана<sup>146</sup>, Д. Лая<sup>147</sup>, Чжунци Пана<sup>148</sup>. Нельзя также не упомянуть

---

<sup>124</sup> Грачиков Е.Н. Геополитика Китая: эгоцентризм и пространство сетей. - М.: Издательство «Русайнс», 2015. - 234 с.

<sup>125</sup> Дробот Г.А. Три подхода к российско-китайским отношениям // Обозреватель. – 2013. - №6. - С. 23-33.

<sup>126</sup> Каменнов П.Б. Китай: принципы активной обороны // Международная жизнь. - 2010. - №4. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: [http://www.ifes-ras.ru/attaches/Kamennov\\_China\\_Active\\_Defence.pdf](http://www.ifes-ras.ru/attaches/Kamennov_China_Active_Defence.pdf).

<sup>127</sup> Кашин Б.В. Развитие ядерных сил Китая: начало глубокой трансформации // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. - 2016. - Выпуск 4. – Т. 9. - С. 77-94.

<sup>128</sup> Корсун В.А. Внешнеполитический механизм «с китайской спецификой» // Вестник МГИМО Университета. - 2010. - №10. - С. 221-236.

<sup>129</sup> Ларин А.Г. Китай и зарубежные китайцы. - М.: ИДВ РАН, 2008. - 96 С.

<sup>130</sup> Ломанов А.В. Неоконсерватизм с китайской спецификой // Россия в глобальной политике. - 2017. - №4.

<sup>131</sup> Лузянин С.Г. Внешняя политика Китая в «ближнем круге». Модель 2010 // Обозреватель. - 2010. - №5. - С. 65-78.

<sup>132</sup> Лукин А.В. Нация и воинственный дух // Россия в глобальной политике. - 2013. - №2.

<sup>133</sup> Мокрецкий А.Ч. Парадигма мирного развития Китая // Проблемы Дальнего Востока. - 2012. - №2. - С.123-135.

<sup>134</sup> Портяков В.Я. Внешняя политика Китайской Народной Республики в XXI столетии. - М.: Институт Дальнего Востока РАН, 2015. - 280 с.

<sup>135</sup> Сафронова Е.И. Стратегия "Один пояс, один путь" как носитель "мягкой силы" Китая // Новый Шелковый путь и его значение для России. - М.: ДеЛи плюс, 2016. - С.84-108.

<sup>136</sup> Сыроежкин К.Л. Китай: военная безопасность. - Алматы: Казахстанский институт стратегических исследований при Президенте РК, 2008. - 268 с.

<sup>137</sup> Китайская Народная Республика: политика, экономика, культура / гл. ред. М.Л. Титаренко. - М.: Форум, 2011. - 448 с.

<sup>138</sup> Уянаев С.В. КНР-Индия // Китайская Народная Республика: политика, экономика, культура. 2010-2011. - М.: ИД «ФОРУМ», 2011. - С. 228-239.

<sup>139</sup> Bell D. China's New Confucianism: Politics and Everyday Life in a Changing Society. Princeton University Press, 2008. 240 p.

<sup>140</sup> Киссинджер Г. О Китае / пер. с англ. В.Н. Верченко/ - М.: АСТ, 2014. - 635 с.

<sup>141</sup> Lanteigne M. Chinese Foreign Policy: An Introduction. Routledge, 2009. 163 p.

<sup>142</sup> Chih-yu Shih. Sinicizing International Relations: Self, Civilization, and Intellectual Politics in Subaltern East Asia. Palgrave Macmillan, 2013. 245 p.

<sup>143</sup> Shambaugh D. Power Shift: China and Asia's New Dynamics. University of California Press, 2006. 402 p.

<sup>144</sup> Shirk S. China: Fragile Superpower. Oxford University Press, 2008. 320 p.

<sup>145</sup> Yan Xuetong. Ancient Chinese Thought, Modern Chinese Power / trans. by Edmund Ryden. Princeton University Press, 2011. 300 p.

<sup>146</sup> Boorman S. The Protracted Game: A Wei-ch'i Interpretation of Maoist Revolutionary Strategy. New York: Oxford University Press, 1971. 256 p.

разносторонние исследования вэйци как манифестации китайской культуры, проведённые П. Заноном<sup>149</sup>, Д. Поттером<sup>150</sup>, А. Смитом<sup>151</sup>, Ма Сяочуном<sup>152</sup>, П. Шотвеллом<sup>153</sup>,. Наконец, это работы по философии игры К. Акселоса<sup>154</sup>, Р. Кайуа<sup>155</sup>, О. Финка<sup>156</sup>, Й. Хёйзинги<sup>157</sup>.

Тем не менее, следует признать отсутствие комплексных исследований, связывающих изучение китайской стратегической культуры с геокультурными воззрениями, представлениями об этике войны и политической легитимностью.

**Объект и предмет исследования.** В качестве *объекта исследования* выступает внешнеполитическая деятельность КНР. *Предметом исследования* является китайская стратегическая культура как структура, сформированная в конкретный исторический период (Восточная Чжоу, VIII-III вв. до н.э.) и оказывающая воздействие на принятие современных внешнеполитических решений.

**Цели и задачи исследования.** *Целью* диссертационного исследования является геополитический анализ китайской стратегической культуры как многоуровневой системы, сформированной в эпоху Восточная Чжоу и представленной китайскими взглядами на универсум и место китайской цивилизации в нём (геокультурный уровень), на взаимоотношения с «другим» (дипломатико-военный уровень) и на механизм, легитимирующий эти

<sup>147</sup> Lai D. Learning From the Stones: A Go Approach to Mastering China's Strategic Concept, Shi. Strategic Studies Institute, Carlisle Barracks, 2004. 35 p.

<sup>148</sup> Zhongqi Pan. Guanxi, Weiqi and Chinese Strategic Thinking // Chinese Political Science Review, 2016, Volume 1, No. 2. Pp 303–321.

<sup>149</sup> Zanon P. The Opposition of the Literati to the Game of Weiqi in Ancient China // Asian and African Studies, 1996, 5. Pp. 70-82.

<sup>150</sup> Potter D.L. Go in the Classics // Go World, 1984, No. 37. Pp.16-19.

<sup>151</sup> Smith A. The Game of Go: The National Game of Japan. Tuttle Publishing, 1989. 246 p.

<sup>152</sup> Ma Xiaochun. The Thirty-six Stratagems Applied to Go. Yutopian Enterprises, Santa Monica, 1996. 200 p.

<sup>153</sup> Shotwell P. The Game of Go: Speculations on its Origins and Symbolism in Ancient China. American Go Association, February 2008. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: [https://www.usgo.org/files/bh\\_library/originsofgo.pdf](https://www.usgo.org/files/bh_library/originsofgo.pdf).

<sup>154</sup> Axelos K. Play as the System of Systems // SubStance, 1979, Vol. 8, No. 25. Pp. 20–24.

<sup>155</sup> Кайуа Р. Игры и люди; Статьи и эссе по социологии культуры / пер. с фр. С. Н. Зенкина/ - М: ОГИ, 2007. - 304 с.

<sup>156</sup> Fink E. Play as Symbol of the World and Other Writings. Bloomington, Indiana University Press, 2016. 348 p.

<sup>157</sup> Хёйзинга Й. Homo Ludens: опыт определения игрового элемента культуры / пер. с нидерл. Д.В. Сильвестрова/ - СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2011. - 416 с.

процессы (уровень политической легитимности). Указанная система представляет собой один из важнейших факторов влияния на внешнеполитическую стратегию КНР.

В соответствии с целью диссертационного исследования в работе поставлены следующие *задачи*:

- проанализировать специфику и проблематику понятия «стратегическая культура», провести анализ существующих исследований китайской стратегической культуры, обосновать применение трёхэлементной модели стратегической культуры и обращение к «игровой геополитике» при анализе стратегической культуры;

- рассмотреть исторический фон формирования культурно-философских оснований китайской внешней политики, изучить специфику древнейших представлений об окружающем пространстве, взаимоотношениях с иными культурами, этике войны, проследить преемственность этих представлений от момента их формирования до закрепления в китайской философской традиции;

- провести анализ древнекитайских философских трактатов, изучить внешнеполитические идеи китайских мыслителей в соответствии с рассматриваемыми уровнями стратегической культуры, выявить общее и частное в понимании стратегического;

- рассмотреть китайскую интеллектуальную игру вэйци как важный фактор, определяющий китайскую стратегическую культуру, раскрыть её связь с китайскими геокультурными представлениями и китайской философской традицией, проанализировать взаимоотношения между китайскими политическими деятелями и игрой вэйци в диахроническом ключе, продемонстрировать значимость игрового элемента в китайской культуре;

- выявить основные парадигмы китайской стратегической культуры, определить их характеристики, рассмотреть сильные и слабые стороны,

причины обращения к ним, степень их применения в современной китайской внешней политике.

**Методология и методы исследования.** Диссертационное исследование проведено в русле междисциплинарного подхода. В работе применяются следующие методы, используемые в теории международных отношений: методы анализа ситуации (наблюдение, изучение документов, сравнение), контент-анализ, прогностические методы (системный подход, сценарное прогнозирование). В особенности следует отметить обращение к такому методу, как моделирование: игра *вэйци* рассматривается в исследовании в качестве аналоговой модели китайской геополитической картины мира. Поскольку работа тесно связана с философией, в ней применяются соответствующие методы философского исследования: герменевтический, прагматический, метод моделирования, а также общелогические методы (анализ, синтез, дедукция, индукция, аналогия).

**Теоретическая основа исследования** представлена, прежде всего, теорией стратегической культуры в её взаимодействии с теорией национального характера и теорией «способа войны». В рамках работы стратегическая культура анализируется с учётом разнообразных теорий, применяемых в политических науках: теорией рационального выбора и моделью рационального принятия политических решений, а также концепциями ограниченной, процессуальной и адаптивной рациональности, теорией оперативного кода А. Джорджа и типологией политических лидеров О. Холсти и С. Уокера. Рассматривается взаимодействие стратегической культуры с такими элементами теории международных отношений, как дилемма безопасности, конструирование баланса сил, «ловушка Фукидида», теория «столкновения цивилизаций». В области военной стратегии КНР рассматриваются положения этики войны (в частности, теория справедливой войны), а также теория «активной обороны» и концепция A2AD. Применяются основные положения геополитической и геокультурной теорий, а также

гуманитарной географии. Наконец, привлекаются и сугубо китайские теоретические разработки в области международных отношений – теория морального реализма Я. Сюэтуна и теория мирного развития Китая. Главной опорной теорией научного исследования является конструктивизм.

В качестве **материала диссертационного исследования** выступают, с одной стороны, древнекитайские философские трактаты, главное внимание среди которых уделяется трудам основоположников конфуцианства («Лунь Юй», «Мэн-цзы»), моизма («Мо-цзы») и легизма («Шан цзюнь шу», «Хань Фэй-цзы»). Привлекаются также другие исторические и философские источники – «Шан шу», «Го юй», «Ши цзи» и т.д. Отдельно стоит отметить такой специфический трактат, как «Цицзин шисаньпянь», посвящённый игре вэйци и её связи с китайской философской традицией. С другой стороны, в качестве материала выступают труды политических лидеров Китая XX и XXI в.: Мао Цзэдуна, Дэн Сяопина, Си Цзиньпина, Лю Шаоци, а также других представителей китайской политической элиты. Ещё одну группу материалов составляют белые бумаги, публикуемые Чжуннаньхаем, а также сообщения китайских официальных информационных агентств.

**Хронологические рамки** исследования обусловлены природой изучаемого предмета. С одной стороны, рассматривается формирование системы парадигм китайской стратегической культуры в период Чжоу, начиная со свержения династией Чжоу династии Шан (1046 г. до н.э.) и заканчивая объединением Китая под властью Цинь Шихуанди в 221 г. до н.э.; с другой стороны, анализируется проявление основных стратегических парадигм в политической деятельности КНР с момента её основания в 1949 г.

Цели, задачи и методы исследования были заданы в соответствие с основной **рабочей гипотезой**, которую можно сформулировать следующим образом: несмотря на историческое доминирование конфуцианского способа бытийствования в имперском Китае, китайская стратегическая культура имеет

значительно более сложную структуру, чем бинарная дихотомия, представленная в работе А. Джонстона, и раскрытие этой структуры может быть осуществлено при помощи обращения к древнекитайским философским течениям, военным трактатам и игре вэйци.

**Научная новизна** диссертационного исследования заключается в следующем:

1. Проведён комплексный структурно-уровневый анализ понятия «стратегическая культура» на материале китайской внешнеполитической традиции сквозь призму этики войны, геополитических и геокультурных представлений, идеи политической легитимности.
2. Проведено разделение между стратегической и тактической культурами, разграничены области стратегической, политической и военной культур.
3. Обоснованы гипотезы о синхронном взаимодействии стратегических парадигм и их соотнесении с конкретными геополитическими зонами.
4. Применена древнекитайская интеллектуальная игра вэйци в качестве аналоговой модели китайской геополитической картины мира, выявлена связь вэйци с китайской философской традицией и геокультурными представлениями, представлен анализ китайской геополитики в соответствии со стратегической парадигмой игры вэйци;
5. Обосновано обращение к играм в теории международных отношений и изучении стратегической культуры; предложена новая область исследований под названием «игровая геополитика»;
6. Проведён комплексный анализ влияния китайских культурно-философских оснований на современный внешнеполитический курс КНР.

**Основные положения, выносимые на защиту:**

1. Изучение китайской стратегической культуры во многом идёт по направлениям, проложенным А. Джонстоном в его работе «Культурный реализм», несмотря на то, что некоторые фундаментальные положения его модели выглядят неубедительно. В связи с этим при исследовании китайской стратегии целесообразно обращаться не только к конфуцианству и военным трактатам, но и к более широкому философско-культурному контексту
2. Основные парадигмы китайской стратегической культуры формируются в эпоху Восточная Чжоу как развитие первичных представлений древних китайцев об окружающей реальности: «практической моральности» как критерии легитимности, двухуровневой системы отношений с внешним «варварским» миром, склонности к самоизоляции и концентрически-сетевым представлениям об универсуме.
3. В китайской стратегической культуре можно выделить 4 основные парадигмы, оказывающие влияние на современные китайские внешнеполитические решения: моральный изоляционизм, оборонительный пацифизм, милитаризм и культура стратегического партнёрства. Эти парадигмы в стратегической культуре соотносятся с рассмотренными в диссертационном исследовании философско-культурными китайскими концепциями: философскими учениями (конфуцианство, моизм, легизм) и стратегической игрой вэйци. Выделенные парадигмы различаются между собой своими представлениями об этике войны и легитимности политического актора, формируют разные концептуальные матрицы межгосударственного взаимодействия, но исходят из одинаковых специфических геокультурных представлений о сакральности центра, важности периферии и расплывчатости границ. Можно отметить следующие

тенденции в китайской стратегической культуре как системе парадигм: крен в сторону теории справедливой войны, акцент на экономической составляющей и самоусилении, признание значимости интеллектуального капитала.

4. Китайские военные трактаты не представляют собой отдельную парадигму стратегической культуры, но в то же время не являются китайской версией «аморального реализма», поскольку в них содержится значительный элемент теории справедливой войны. При этом целесообразно изучать военные трактаты как основу китайской тактической культуры.
5. Обращение к игре при изучении стратегической культуры и геополитики обосновано, с одной стороны, ценностно-онтологическими культурными смыслами, заложенными в игре как в модели принятия стратегических решений в культурно воспринимаемом пространстве; с другой стороны – повышением роли концепта «игра» в современных социальных процессах, обоюдным влиянием социального и игрового и необходимостью изучить это влияние, а также активным взаимодействием между теорией международных отношений и играми.
6. Китайская игра вэйци, зародившаяся в эпоху становления китайской стратегической культуры, вобрала в себя основные геокультурные и этические представления древних китайцев. На протяжении всего своего существования вэйци активно взаимодействовала с китайской философией («Книгой перемен», конфуцианством, даосизмом, школой стратегов»), как обогащаясь их идеями, так и используя этими течениями для демонстрации их соответствующих концепций. Многие китайские политические лидеры были игроками в вэйци и обращались к игре в своих произведениях, что обуславливает актуальность обращения к вэйци при анализе формирования китайской элитой внешнеполитического курса КНР.

7. Парадигмы китайской стратегической культуры тесно взаимодействуют между собой, но представляется возможным выделить ту из них, которой в конкретный момент отдаётся наибольшее предпочтение в связи с внешнеполитической обстановкой, внутривнутриполитическими факторами и иными причинами. Включение КНР в многополярную мирополитическую систему подразумевает не коренное изменение китайских геокультурных представлений о Поднебесной, но сдвиг стратегических предпочтений в сторону наиболее соответствующей парадигмы – парадигмы взъици. В то же время в современной деятельности КНР встречаются элементы и других трёх стратегических парадигм: конфуцианской – в официальной риторике и идеологии КНР, её глобальных интеграционных проектах и послании мировому сообществу, моистской – в современных китайских военных концепциях и «оборонительной» риторике, легистской – в отношении Китая к внутренним проблемам.
8. Легистская парадигма может успешно применяться для подавления сепаратизма и радикализма потенциального «нового варварства» – национальных территорий в составе КНР, но происходит это ценой формирования негативного образа Китая как в западных странах, так и среди его ближайших соседей. В то же время крайне маловероятно, что Китай будет проводить экспансионистскую политику в духе легистской внешнеполитической философии на современной стадии международных отношений. Одним из наиболее вероятных катализаторов проведения такой политики может стать насильственная смена режима.
9. Моистская парадигма весьма успешно задействована в современной оборонительной концепции КНР, прежде всего в силу своего акцента на наукоёмкие оборонительные технологии и близость к идеалам социализма. В то же время её глобальная внешнеполитическая повестка

слишком идеалистична, и она как испытывает на себе давление груза исторических неудач, так и в полной мере ощущает издержки китайской внутренней легистской политики.

10. Конфуцианская парадигма служит основой для современных китайских глобальных интеграционных проектов. Мирное конфуцианское самосовершенствование выступает в качестве послания Китая миру. В то же время у неё много слабых сторон: от ассоциаций с имперским мышлением, малопривлекательным для китайских соседей, до чрезмерного акцента на самоизоляции и консерватизме, приведшим к «столетию унижений» в XIX в..

11. Основные характеристики парадигмы вэйци – относительность антагонизма, специфическое представление о границах как об условных, расплывчатых и в то же время динамических рубежах; представления об относительном характере выигрыша; распространение влияния как ключевая стратегическая составляющая; акцент на тактике окружения и построении геополитических линий. Парадигма вэйци также задаёт специфическое восприятие определённых паттернов в международных отношениях. Важную роль в региональной архитектуре безопасности играет паттерн «гунхо» как призма, через которую воспринимаются корейская и тайваньская дилеммы.

**Теоретическая и практическая значимость работы.** Теоретическая значимость работы заключается в том, что в ней была предложена и обоснована альтернатива «догматическому» и не до конца отрефлексированному взгляду на китайскую стратегическую культуру, а также представлена и применена структурно-уровневая модель анализа стратегической культуры. Вместе с тем также была рассмотрена игра как отражение ценностей и пространственных представлений породившей её культуры, проведён анализ соотношения игрового и политического бытия в историческом развитии.

Результаты работы могут быть применены как при изучении теории стратегической культуры, китайской внешней политики, политической философии и культуры. Диссертационное исследование может быть использовано для разработки рабочих программ дисциплин в области теории международных отношений и китаеведения. Кроме того, выводы диссертации могут быть учтены при формировании внешней политики Российской Федерации в отношении КНР.

**Апробация исследования.** Результаты работы были апробированы в рамках научных стажировок автора по приглашению фонда SDCF (Sinological Development Charitable Foundation):

1. 2016, 1 августа – докладчик на 1 Летней программе SDCF, Пекинский университет (доклад: “Chinese Understanding on the Ethics of Humanitarian Intervention”, в соавторстве с проф. Марсией Шмальц, А.М. Тараном, Ин Цзинцаем);
2. 2017, 8 августа – докладчик на 2 Летней программе SDCF, Пекинский университет (доклад: “The Game of Weiqi as a Philosophical and Cultural Matrix of Chinese Civilization”);
3. 2018, 14 августа – выступление на секции “Confucian Self-Cultivation as a Path Towards Being Human Conceptions Related to National, Global, and Human Security”, организованной фондом (SDCF) в рамках XXIV Всемирного философского конгресса (Пекин, 14 августа); тема доклада «Harmonizing the Game Universe: Weiqi as a Tool for Self-Cultivation».

## ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

**Структура работы** определена логикой исследования, его целью, задачами и направлена на раскрытие рассматриваемого предмета и объекта. Исследование состоит из введения, четырёх глав, пятнадцати параграфов, заключения, списка использованной литературы и приложения.

Во **введении** характеризуются актуальность исследования, степень научной разработанности проблемы, объект и предмет изучения, цели и задачи, теоретико-методологические подходы и база источников диссертационной работы. Формулируется основная рабочая гипотеза исследования, определяется научная новизна, оценивается теоретическая и практическая значимость работы, приводятся сведения об апробации результатов исследования. Во введении также содержится список выносимых на защиту положений диссертационного исследования.

**Первая глава «Теория стратегической культуры как инструмент мирополитического анализа»** состоит из трёх параграфов. Анализируется стратегическая культура как область пересечения мирополитического конструктивизма и геокультуры как актуальной стадии развития геополитики, рассматриваются существующие проблемы и лакуны в теоретическо-методологическом аппарате теории стратегической культуры, даётся определение основных понятий, используемых в диссертационном исследовании, характеризуется структурно-уровневая модель анализа стратегической культуры. Проводится обзор существующих исследований в области китайской стратегической культуры, отмечаются их сильные и слабые стороны.

В **параграфе 1.1. «Стратегическая культура: проблемы и перспективы исследования»** рассматриваются основные вехи в развитии теории стратегической культуры и смежных с ней областей (исследование «способов войны» и национального характера). Обращено внимание на то, что термин

«стратегическая культура» не вошёл полностью в научный оборот: как в русскоязычной, так и в Китае- и англоязычной литературе применяются и иные термины («организационная культура», «военная культура» и т.д.). Анализируются основные проблемы, существующие в теории стратегической культуры на современном этапе её развития: природа влияния стратегической культуры на внешнюю политику (является ли она независимой переменной, промежуточной переменной или неотделима от стратегического поведения); объяснительная сила теории, соотношение рационального и иррационального в стратегической культуре и её связь с теориями рационального политического выбора; место стратегической культуры в структуре принятия внешнеполитического решения; парадигмальный характер стратегической культуры (наличие в ней противоборствующих традиций) и проблематика выделения и разграничения парадигм, взаимодействие парадигм; влияние культуры в её широком понимании на стратегическую культуру. Автор диссертационного исследования также выдвигает ряд гипотез относительно стратегической культуры:

1. Стратегическая культура влияет на внешнюю политику не только в тех случаях, когда мирополитические процессы отклоняются от траектории, предсказанной реалистической, либеральной и марксистской школами международных отношений, но непрерывно воздействует на область политического;
2. Необходимо отличать стратегическую культуру (изучение которой даёт ответы на вопросы о том, как цивилизация воспринимает окружающий мир и своё место в нём, как она строит отношения с иными акторами, насколько предпочтительна и допустима для неё военная агрессия и т.п.) от «тактической культуры», т.е. конкретных приёмов и методов достижения целей, принятых в культуре;
3. Различные стратегические парадигмы могут действовать одновременно и относиться к различным областям геополитического пространства.

**В параграфе 1.2. «Исследования китайской стратегической культуры: критический обзор»** даётся краткий анализ существующих работ по китайской стратегической культуре. Автор диссертационного исследования приходит к выводу, что в большинстве случаев зарубежные и отечественные исследователи рассматривают китайскую стратегическую культуру сквозь призму труда А. Джонстона «Культурный реализм». Джонстон выделил в китайской стратегической культуре две парадигмы: пацифистскую конфуцианскую, которая играет чисто формальную роль символического дискурса, и парадигму реальной политики, которая в его интерпретации представлена в китайских военных трактатах и по сути не отличается от западного политического реализм<sup>158</sup>. Тезис о сосуществовании двух парадигм не подвергался критическому переосмыслению в последующих трудах по китайской стратегической культуре, хотя некоторые синологи призывали к этому. В дополнение к этому фундаментальному недостатку работ в рассматриваемой области в тех или иных трудах есть и другие проблемные места: выбор военных трактатов как источника анализа стратегической культуры, чрезмерная фиксация на уровне символического дискурса, игнорирование философско-культурных оснований китайской внешней политики, игнорирование фактов китайской имперской экспансии. Китайские исследователи зачастую не выделяют парадигм стратегической культуры, предпочитая говорить о динамике её исторического развития и глубинных отличиях от западной стратегической культуры. Во многих трудах китайская традиционная внешнеполитическая мысль анализируется с точки зрения западной теории международных отношений. Однако такая оптика едва ли может пролить свет на специфику китайского процесса принятия стратегически важных решений. В целом следует отметить, что указанные проблемы в области изучения

---

<sup>158</sup> Johnston A. Cultural Realism: Strategic Culture and Grand Strategy in Chinese History. Princeton: Princeton University Press, 1998. 322 p.

китайской стратегической культуры обусловлены недостаточной системностью и слабой разработанностью теоретического аппарата стратегической культуры.

**В параграфе 1.3. «Методологический инструментарий конструирования концептуальной матрицы китайской стратегической культуры»** представлена методологическая база исследования. Стратегическая культура может быть наиболее полно раскрыта при помощи структурно-уровневого анализа, т.е. как структура, состоящая из нескольких «уровней» политических представлений: китайских взглядов на универсум и место китайской цивилизации в нём (геополитико-геокультурный уровень), подходов к взаимоотношению с «другим» (дипломатико-военный уровень) и восприятия механизма, легитимирующего эти процессы (уровень политической легитимности). На взгляд автора, эти три уровня задают своеобразную систему координат, на основе которой можно выявить основные тенденции в рамках одной стратегической культуры, сконструировать матрицу стратегической культуры и провести её сравнение с иными цивилизационными стратегиями. Обосновывается тезис о принципиальной неизменности китайской стратегической культуры с момента её зарождения в первичных представлениях древних китайцев о пространстве и кристаллизации этих представлений в философских и культурных концепциях эпохи Восточная Чжоу (VIII-III вв. до н.э.) до нынешнего этапа. С точки зрения критической геополитики и конструктивизма даются определения основных терминов, употребляемых в работе: геополитика, геокультура, геофилософия, геополитический анализ, конкретизируются рассматриваемые факторы влияния на внешнюю политику государства. Обосновывается обращение к концепту игре в анализе внешнеполитического, рассматривается многоаспектная связь между играми и теорией международных отношений, предлагается конструирование новой области исследования – «игровой геополитики». По мнению автора диссертационного исследования, наиболее продуктивным в плане изучения стратегической культуры может быть обращение к так

называемым играм с игровым полем, поскольку такие игры (например, древнекитайская игра вэйци, анализируемая автором) представляют собой модель принятия стратегических решений в культурно воспринимаемом пространстве. Другие важные факторы при выборе игры в качестве предмета политического анализа – роль случая должна быть сведена к минимуму, игра должна пройти проверку временем в своей родной культуре.

Общий вывод по первой главе: в изучении китайской стратегической культуры остаются не до конца отрефлексированными выдвинутые А. Джонстоном положения о сосуществовании двух парадигм, что обусловлено недостаточной систематичностью исследований в области стратегической культуры и неразвитостью её теоретического аппарата.

**Вторая глава «Формирование философско-культурных оснований китайской внешней политики в эпохи Шан и Чжоу»** состоит из четырёх параграфов. В ней рассматриваются первичные древнекитайские представления о пространстве, месте Китая в нём, иных культурах и паттернах взаимоотношений с ними, воззрения на войну и политическую легитимность как предпосылки возникновения парадигм древнекитайской стратегической культуры.

**В параграфе 2.1. «Древнекитайская политическая легитимность: Небесный Мандат и институт “история-политика”»** анализируется возникновение концепта Небесного Мандата как историческая необходимость, обусловленная свержением последнего легитимного правителя эпохи Шан-Инь и стремлением нового правящего дома обосновать своё право на власть. Рассматривается важнейшая для китайской политической культуры проблема сущности Неба как источника / гаранта легитимности, критически оцениваются «либеральная» и «консервативная» точки зрения на Небо, делается вывод о «моральной практике» как о главном критерии древнекитайской политической легитимности, прослеживается связь этого положения со значимостью

практики для маоистской версии марксизма и идей Дэна Сяопина. Анализируются и другие аспекты китайского понимания легитимности: идеалистическое представление о легитимном акторе как о непременно добродетельном, примат культурного над этническим. Рассматриваются тесно связанные с политической легитимностью институт «политика-история» и практика очернения последних правителей династий.

**В параграфе 2.2 «Анархия межгосударственных отношений эпохи Восточная Чжоу как стимул возникновения ключевых политико-философских учений»** анализируется динамика межгосударственной системы Древнего Китая, прослеживается процесс эрозии правящего чжоуского дома (*ван* и *цинши* – гегемония – семь сильнейших) и децентрализации власти. Рассматриваются причины победы царства Цинь (выгодное геополитическое положение, интеллектуальный потенциал) и стратегии, приведшие её к доминированию в Поднебесной (*лянхэн*, *лицзянь*, умелое использование недочётов стратегии балансирования, применяемой слабыми государствами против сильных). Выявляется существование двух противоположных тенденций в политической системе Восточной Чжоу: центростремительной и центробежной, политической дезинтеграции и экономической и культурной интеграции. Делается вывод о схожести между раздробленным чжоуским Китаем и современной анархией международных отношений, ставится вопрос о том, насколько вероятно использование Китаем легистского сценария на современном этапе.

**В параграфе 2.3. «Традиционные китайские геокультурные воззрения: хуся и варвары»** рассматривается специфика представлений древних китайцев о мире и динамика их изменений на рубеже эпох Шан-Чжоу. Анализируются причины китайского изоляционизма. Делается вывод о двухуровневой связи между древними шанцами и варварами: с одной стороны, геокультурная и геополитическая граница очерчена довольно чётко; с другой стороны, происходит трибализация соседних племён, которые включаются в

систему отношений (*гуаньси*) с шанским домом. Рассматривается традиционная китайская модель мира в виде сакрального центра, отходящих от него концентрических кругов и сетцентрических отношений между индивидами и народностями, а также первичные китайские геополитические выкладки, представленные в историко-политических трактатах «Шан шу» и «Го юй». Автор высказывает ряд предположений о причинах формирования мифологемы превосходства хуася над варварами, приведшей к китайскому изоляционизму: важную роль сыграло как формирование концепта Небесного Мандата, увязанного с добродетелью, так и относительная слабость древнекитайских политических образований. Анализируется специфика китайской девятиричной космографической традиции, прослеживается глубинная связь между мэнцзыанской идеей колодезных полей, китайскими магическими квадратами, структурой китайского города и тем самым закладывается база для последующего анализа игры вэйци как модели китайского универсума.

**В параграфе 2.4 «Древнекитайская этика и практика войны»** рассматривается эволюция древнекитайских взглядов на ведение войны. Будучи воспринятыми древнекитайским обществом в качестве замены жертвоприношений, войны были незамедлительно облагорожены и освящены влиянием добродетели-дэ, что привело к возникновению своеобразного рыцарского кодекса, которому следовала сражавшаяся аристократия. Большинство войн велось не ради расширения территории государства, но в качестве возмездия за нанесённое оскорбление. Автор исследования приходит к выводу, что в китайском обществе практически с древнейших пор огромную роль играет необходимость обоснования военной агрессии, причинами чему являются, во-первых, стремление чжоуского дома утвердить своё право на власть и укрепить своё положение, и, во-вторых, желание сдерживать распространение анархичности межгосударственных отношений, вызванных всё более очевидным упадком Чжоу. В итоге была созданная рамочная концепция *у-вэнь* (жёсткая сила-мягкая сила), приоритет в которой всегда

отдавался несиловым методам воздействия. Положения древнекитайской этики войны были зафиксированы в одном из наиболее ранних исторических трактатов, «Шан шу», а затем и в работах китайских мыслителей. Несмотря на то, что с приходом эпохи Чжаньго началась эрозия этических норм, а на смену рыцарским аристократическим ритуалам пришли коварство стратагем и жестокость легистского милитаризма, даже первый император династии Цинь счёл нужным выступить в оправдание своих военных походов.

Общий вывод по второй главе: китайская философская традиция формируется в условиях, во-первых, всё более возрастающей анархичности международных отношений эпохи Чжоу; во-вторых, размывания этических норм («варваризации») на фоне интенсификации контактов с варварами и их включения в китайскую политическую систему («китаизация») и ослабления центральной власти; в-третьих, отсутствия легитимных способов получения Небесного Мандата.

**В третьей главе «Парадигмы китайской стратегической культуры»** проводится анализ течений древнекитайской философии, военных трактатов и игры вэйци в соответствии со структурно-уровневой концепцией стратегической культуры.

**Параграф 3.1. «Китайская философия как кузница китайской стратегической культуры»** посвящён рассмотрению основных черт древнекитайской философии, а также анализу проблематики её рациональности.

**В подпараграфе 3.1.1. «Китайская философия: общая характеристика и проблематика рациональности»** рассматриваются существующие точки зрения относительно вопроса о рациональности китайской философии. Можно выделить следующие черты древнекитайской философии: историоцентризм, антропоцентризм, эволюционизм, организмизм, континуализм, процессуализм. Для китайской политической мысли также характерно отсутствие разделения

на внешнюю и внутреннюю политику в соответствии с древнекитайскими геокультурными представлениями.

Многие исследователи утверждали иррациональный, мистический характер китайской философии, в связи с чем возникает вопрос о возможности её применения для анализа китайской внешней политики. Отсутствие в древнекитайской философии рациональности, понимаемой как логоцентрический наукоориентированный философский подход, объясняется спецификой китайского языка, практической ориентацией китайской философии и принятием конфуцианства в качестве идеологии (вследствие чего китайской философии иногда отказывают в праве называться философией). Тем не менее, многие исследователи видят древнекитайскую рациональность в китайском коррелятивном мышлении и нумерологии. Последнее особенно важно с учётом анализа игры вэйци, возникшей под влиянием нумерологических учений.

**В подпараграфе 3.1.2. «Конфуцианство: мягкая сила самоизоляции»** рассматриваются основные внешнеполитические идеи конфуцианской школы на основе трактатов «Лунь Юй» и «Мэн-цзы». Несмотря на то, что Конфуций предпочитал говорить о вопросах правильного управления и самосовершенствования, на основе его высказываний можно реконструировать его внешнеполитические взгляды: 1. Культурное превосходство Китая над варварами, которое должно конвертироваться не в военную мощь, а в мягкое воздействие, прежде всего через достижение успехов в самом Китае; 2. Признание необходимости войн для свержения недобродетельных правителей. 3. Существование пяти типов политических акторов: от совершенномудрых правителей (идеальный правитель древности, полная политическая легитимность) до нелегитимных и недобродетельных правителей, подлежащих наказанию. Последних могут карать современные Конфуцию правители, следующие пути добродетели и являющиеся легитимными, и не могут карать те лидеры, которые являются легитимными в

силу наследования, но не соблюдают норм конфуцианского учения. Кроме того, существуют ещё и нелегитимные правители, которые готовы прислушиваться к наставникам-мудрецам; они занимают промежуточное положение и в зависимости от искренности своих намерений могут как возвыситься (стать благородным мужем *цзюнь цзы*), так и перестать получать поддержку со стороны Конфуция. 4. Выделение ряда оригинальных критериев *jus in bello*: подготовленность собственных войск, отрицательное отношение к безрассудной храбрости.

Мэн-цзы, развивший учение Конфуция, жил в более турбулентную эпоху и в связи с этим уделял значительно больше внимания вопросам внешней политики и войны. Наиболее легитимные для Мэн-цзы акторы из современных ему получают название «слуга Неба» (*тянь ли*); они имеют право выступать в карательные походы против недобродетельных правителей. Мэн-цзы также допускает возвращение ранее аннексированных противником территорий и оборонительную войну в качестве правого дела. В то же время мэнцзыанская теория крайне идеалистична: широко распространено представление о том, что наказание может осуществиться бескровно, поскольку весь народ отвернётся от недобродетельного правителя. Этот идеализм проявляется и в дипломатической теории Мэн-цзы, которая призывает малые государства служить большим и при этом заниматься самоусилением и культивированием добродетели, что в итоге должно привести к тому, что сильные акторы будут повиноваться моральному авторитету. Наконец, в области этики войны Мэн-цзы в дополнение к критериям *jus ad bellum* (правого дела и легитимной власти) артикулирует критерии *jus post bellum* (введение гуманного управления в завоёванном царстве).

**В подпараграфе 3.1.3. «Моизм: общий выигрыш оборонительного пацифизма»** анализируется трактат «Мо-цзы». С точки зрения этики войны моистская парадигма наиболее близка к оборонительному пацифизму, хотя и обращается к некоторым элементам теории справедливой войны. Среди

важнейших аспектов моистской внешнеполитической теории – акцент на высокотехнологичную оборону; недопустимость войны в отсутствие общепризнанного лидера, управляющего всей Поднебесной; идея «гуманитарной защиты» (создания специальных военных групп, отправляемых в зону боевых действий в целях защиты страны, на которую было совершено нападение); акцент на дипломатические средства (убеждение противника в невыгодности атаки); идея всеобщей любви и взаимной выгоды, подразумевающая равенство и сотрудничество в международных отношениях. С моистской точки зрения, нет принципиальных различий между китайцами и варварскими племенами.

**Подпараграф 3.1.4. «Легизм: милитаристский разрыв с раннекитайским гуманизмом»** посвящён изучению идей Шан Яна и Хань Фэя. Легистское учение значительно отходит от традиционных древнекитайских политических представлений. Легисты проповедуют милитаризм в области международных отношений: государство должно заниматься самоусилением, иначе оно будет расчленено. Самоусиление подразумевает экономическое развитие и военную экспансию; первое подкрепляет второе, а второе добывает новые ресурсы для первого. Поскольку от военных успехов зависит выживание государства, в войне позволительны любые средства: в ней нет места этике. Легитимность актора как внутри государства, так и в международных отношениях, определяется лишь тем, насколько он способен удерживать власть в своих руках. Легисты также отличаются от других современных им философских течений тем, что не выдвигают утопического идеала, к которому должно стремиться китайское общество, и тем самым представляют собой наиболее практикоориентированную школу. В то же время даже они признают необходимость соблюдения ряда международных норм. Наконец, к культурным отличиям между китайцами и варварами легисты подходят исключительно с прагматичной точки зрения: каким образом эти отличия можно использовать для победы над противником.

**В параграфе 3.2. «Китайские военные трактаты: парадигма *realpolitik*?»** рассматриваются одни из древнейших и наиболее авторитетных китайских военных трактатов «Искусство войны» и «У-цзы». Автор диссертационного исследования приходит к выводу, что некорректно рассматривать учение школы стратегов в качестве парадигмы реальной политики, поскольку, во-первых, их позиция близка к моральному реализму; во-вторых, в их работах практически не содержится положений, при помощи которых можно было бы сконструировать отдельную стратегическую парадигму. Гораздо более продуктивным представляется изучение китайских военных трактатов сквозь призму тактической культуры.

**В параграфе 3.3. «Игра вэйци: модель принятия стратегических решений в культурно воспринимаемом пространстве»** вэйци рассматривается с трёх точек зрения: как модель древнекитайского универсума, как педагогический инструмент китайских философов, как стратегическая игра, важная для китайской модели принятия внешнеполитических решений. Выявляется сходство вэйци с китайской девятеричной структурой бытия (девятеричной космографией) и с древнейшими китайскими геополитическими представлениями (сакральный центр и сетцентрическая модель *гуаньси*). Вэйци рассматривается в контексте теории китайского социолога Фэй Сяотуна о специфике китайской модели общества. Анализируется связь вэйци с китайской нумерологией, натурфилософией школы *инь-ян*, даосскими практиками, стратегическими идеями военной школы. Изучается противоречивое отношение китайской конфуцианской элиты к вэйци, рассматриваются трактаты, посвящённые критике игры, и ответ на эти трактаты в виде «Классики вэйци в XIII главах». Среди причин примирения вэйци и конфуцианства можно отметить то, что: 1. Конфуцианским учёным было сложно бороться с игрой; 2. Эклектичность конфуцианства позволила постепенно сгладить различия между философией вэйци и учением *жу-цзя*; 3. Игра могла служить в качестве эффективного инструмента для демонстрации

конфуцианских положений; 4. Вэйци может рассматриваться в качестве модели китайского общества, контекстуально обусловленных отношений-*лунь* и сети *гуаньси*.

Вэйци может выступать в качестве отдельной стратегической парадигмы постольку, поскольку представляет собой модель принятия стратегических решений в культурно воспринимаемом пространстве. Тем не менее, до сих пор не было фундаментального анализа вэйци как модели китайской геополитики. С учётом этого автор проводит сравнение основных категорий вэйци (территория и влияние) с категориями геополитики (геополе) и приходит к выводу об их значительной концептуальной близости. Рассматривается нестандартное для конфуцианской культуры данничества отношение к противнику как к партнёру. Игра анализируется как процесс одновременного самосовершенствования, который осуществляется в рамках специфических отношений-*лунь* между игроками и сопровождается обоюдным получением выгоды-*ли*. Среди стратегических характеристик вэйци можно назвать такие, как относительность победы, относительность антагонизма, стремление к максимизации собственной выгоды в долгосрочной перспективе, прагматизм, представление о границах как о расплывчатых рубежах.

**В параграфе 3.4. «Концептуальная матрица китайской стратегической культуры»** обобщаются результаты исследования философских текстов и игры вэйци и конструируется матрица китайской стратегической культуры (табл. 1). Выделяется ряд общих моментов, присущих всем парадигмам: первичные геокультурные представления о Китае как о центре мира, сердцевине многослойной квадратной структуры, окружённой варварскими племенами; акцент на значимости экономического фактора; представление об интеллектуальном капитале как об одном из ключевых стратегических активов. На основе анализа концептуальной матрицы китайской стратегической культуры делаются выводы о сильном крене китайской стратегии в сторону теории справедливой войны и предпочтения несиловых методов разрешения

конфликтов, об отсутствии фундаментальных культурных различий между китайцами и варварами с точки зрения большинства парадигм, а также о значимости морального авторитета в области политической легитимности для конфуцианской и моистской парадигм.

**В четвёртой главе «Стратегические парадигмы в современной внешнеполитической деятельности КНР»** рассматривается влияние китайской стратегической культуры на внешнюю политику современной КНР. Раздел состоит из четырёх параграфов, в каждом из которых рассматривается конкретная стратегическая парадигма.

**Параграф 4.1. «Легистская парадигма: профилактика возникновения “нового варварства”».** Автор диссертационного исследования делает вывод о том, что легистская парадигма применяется Китаем по отношению к национальным территориям (Тибет, Синьцзян) и полуавтономным политическим образованиям (Гонконг) на его территории. Можно выделить две основные причины применения этой парадигмы. Во-первых, стремление меньшинств к большей автономии воспринимается как повторное появление традиционных китайских противников-варваров на территории Поднебесной. В то же время ключевую роль тут играет не этнический вопрос, а идеологический: тибетский буддизм синьцзянский ислам, или западноориентированный демократический либерализм Гонконга рассматриваются как покушение на нынешнюю господствующую в КНР идеологию. Во-вторых, влияние современных мирополитических процессов и положение Китая в системе международных отношений. С одной стороны, озабоченность китайских властей вызывает исламский радикализм и международный терроризм, пускающий корни в Синьцзяне; с другой стороны, западный дискурс о нарушении прав человека в проблемных регионах воспринимается, как попытка подчинить Пекин, а внутригосударственные акторы, выступающие за демократические перемены – как агенты иностранного влияния.

КНР применяет следующие характерные для легистской парадигмы методы: китаизация населения как избавление от культурной и политической инаковости, миграция как инструмент контроля над территориями, единство войны и экономики, явленное в таком образовании, как *бинтуань*; система доносов и слежки за населением. В то же время некоторые из положений легистской парадигмы применяются Китаем на всей его территории (например, арест правозащитников, жёсткое подавление протестных акций, преследование членов секты Фалуныгун, усиление цензуры и слежки), что объясняется боязнью китайского руководства утратить власть. Тем не менее, при решении большинства этих вопросов легистские методы не являются предпочтительными.

По мнению автора, проявление легистской парадигмы в истории Китая было обусловлено следующими причинами: 1) Китайское государство длительное время находится в упадке, и его новым лидерам необходима радикальная смена курса для восстановления былого величия; 2) Китайское руководство ощущает необходимость легитимировать себя через успехи своей администрации и укрепить свою центральную власть. 3) Существует очевидная внешняя угроза китайскому государству или его вассалам, против которой и ведётся борьба. В связи с этим наиболее возможный сценарий проявления легистской политики в деятельности Китая на международной арене – насильственная смена нынешней китайской власти.

В то же время очевидны и ограничения применения легистской парадигмы. Она требует значительного напряжения человеческого и экономического ресурса и в связи с законом убывающей предельной полезности не может использоваться на протяжении долгого времени. Она также нуждается в сильном харизматичном лидере и поддерживающей его бюрократии. С другой стороны, весьма маловероятной кажется возможность применения этой парадигмы в современной мирополитической системе, где деятельность одного государства сдерживается возможными контрмерами со стороны других

государств. В связи с этим даже кратковременные вспышки военной агрессии в отношениях между КНР и Индией или КНР и Вьетнамом не привели к захвату новых территорий.

**Параграф 4.2. «Моистская парадигма: активная оборона новых рубежей».** В современной китайской политике моистская парадигма проявляется на уровне китайской концепции обороны. В первую очередь это представление об «активной обороне», которая, по сути, представляет создание стратегически выгодного Китаю оборонительного ландшафта в критически важных для него областях (прежде всего в водных пространствах – акватории «четырёх морей», Тихом и Индийском океанах). Основные проявления концепции активной обороны – идея проекции влияния на «три островные гряды» и концепция A2AD, подразумевающая создание таких областей, вторжение в которые будет крайне невыгодно противнику в связи с нанесённым ему ущербом. В рамках A2AD КНР осуществляет возведение «Великой подводной стены» и «Великой песчаной стены» в духе китайского восприятия внешнего мира сквозь призму Великой Китайской стены. Важным элементом оборонительной стратегии становится акцент на наукоёмкие военные технологии (Программа 863). Автор также прослеживает моистские влияния в китайской ядерной концепции «минимального сдерживания», отношении Китая к ряду наиболее проблемных для него вопросов (например, корейской и тайваньской дилеммам), стремлении Китая к проведению многосторонних военных учений и к участию в международном гуманитарном сотрудничестве.

В то же время моистская парадигма обладает рядом недостатков. Во-первых, моистская риторика в духе всеобщей любви едва ли подходит для современного мира, где государства явно не равны между собой, в связи, с чем оборонительный характер китайского усиления воспринимается как попытка Пекина подчинить себе своих соседей. Особое напряжение возникает в китайских отношениях с Вьетнамом и Японией, которые особо чувствительны

в связи с опытом исторического взаимодействия этих стран. В свою очередь военные учения, проводимые США с её восточноазиатскими партнёрами (Японией и Кореей), а уж тем более размещение комплексов системы ТНААД в регионе воспринимаются Китаем как значительная угроза собственной безопасности, что приводит к очередному витку гонки вооружений. При этом в рамках моистской системы не существует никакого стабилизатора, позволяющего разрешить дилемму безопасности. Во-вторых, в связи с этим моистская парадигма не может служить в качестве дорожной карты для китайской глобальной стратегии: с одной стороны, она слишком ориентирована на себя саму, а с другой слишком малоприспособлена для решения мировых проблем, поскольку не предлагает никаких конкретных путей достижения идеалов всеобщего равенства. В-третьих, она проигрывает конфуцианской парадигме, которая более прагматична и гибка в плане вопросов применения силы, в связи с чем китайская политическая элита исторически не уделяла моизму особого внимания. Единственным исключением из этого правила стало Движение самоусиления (1861-1895 гг.), неудавшаяся попытка Китая противостоять западным державам через технологическую модернизацию. Однако современная КНР стремится достичь успехов в наукоёмких военных технологиях, что даёт моистской парадигме второе дыхание и обуславливает необходимость её изучения.

**Параграф 4.3. «Конфуцианская парадигма: недописанное послание Китая миру».** Конфуцианская парадигма являлась главенствующей на протяжении всей китайской истории, что обуславливает интерес к ней со стороны современного китайского руководства. В настоящее время в Китае происходит конфуцианский «ренессанс», который обусловлен, с одной стороны, стремлением КНР постулировать свою уникальную идентичность в ответ на угрозу западного мондиализма, желанием использовать активы своей «мягкой силы» и попыткой обеспечить социальную стабильность; с другой – духовными запросами современного китайского общества. Конфуцианская парадигма в

настоящее время проявляется в китайской официальной риторике и духе китайских глобальных интеграционных проектов («Одного пояса, одного пути»), в китайской дипломатической деятельности и применении экономического и культурного рычагов влияния. Важной модификацией стало добавление в конфуцианскую парадигму мягкой силы идеи об активном распространении китайского влияния среди варваров.

В то же время такая внешнеполитическая стратегия Китая сталкивается со множеством проблем. В связи с жёсткой политикой Пекина во внутренних делах любые его инициативы будут восприниматься с подозрением. У многих западных стран опасения вызывает деятельность Институтов Конфуция. Подозрения вызывает и бурная инвестиционная деятельность Пекина, в том числе и в рамках его мегапроекта «Один пояс, один путь». Безудержное вливание Китаем денег во всевозможные глобальные проекты вполне закономерно как попытка предотвратить новый крах конфуцианской парадигмы, и для гармонизации китайской деятельности в этой сфере нужно время.

Ещё одна проблема конфуцианской парадигмы заключается в том, что другие страны и их исследователи будут воспринимать Китай, следующий ей в своей внешней политике, сквозь призму его имперского прошлого. Неравенство стран, подразумеваемое конфуцианским учением, не особо сочетается с риторикой Пекина о духе Шёлкового пути. Более того, учитывая, что в ходе исторического развития китайской философской мысли произошло сращивание легизма и конфуцианства, у соседей КНР есть основания опасаться того, что конфуцианский дискурс служит лишь идеологическим прикрытием китайской экспансии. В связи с этим Китаю, заигрывающему с конфуцианством, необходимо проводить более тщательную работу по прояснению своей позиции.

Из неуверенности Китая во внешнеполитической логике конфуцианской парадигмы с одной стороны и из его стремления активно проводить противоположность этой политике с другой стороны проистекает ещё одна слабость этой парадигмы – несформированное внешнеполитическое измерение «китайской мечты». Любая китайская инициатива на международной арене ставит во главу угла принципы взаимодоверия, общего выигрыша, сосуществования и всеобщего процветания. Но сами эти принципы едва ли могут служить в качестве особой повестки, которую Китай несёт миру – все эти элементы присутствуют и в дискурсе других стран, часто противопоставляющих эти ценности идеалам американского мондиализма. Это лишь некая общая концептуальная схема современных международных отношений, создаваемая одновременно с исчезновением однополярного мира. Не совсем ясно, что именно «китайского» собирается привнести Китай в эту схему.

**Параграф 4.4. «Парадигма вэйци: партнёрство в век геополитической неопределённости».** По мнению автора, в настоящее время в связи как с издержками и историческими неудачами остальных парадигм, так и с включением Китая в глобальные мирополитические процессы и его столкновением с нетипичной для себя международной конъюнктурой парадигма вэйци выступает в качестве основной, «рамочной» парадигмы, в рамках которой происходит попытка координации деятельности иных парадигм. Стратегическая суть вэйци состоит в создании в игровом пространстве при минимальном расходе ресурсов такой конфигурации своих камней, которая оказывает влияние на максимально возможную часть доски, обладает гибкостью, многофункциональностью и многовекторностью, задаёт направление развития игры и ориентирована на максимизацию долгосрочной прибыли. Китай, мыслящий в духе вэйци, склонен к следующим шагам: 1) Построение стратегических «цепей» («Один пояс, один путь», «Жемчужная нить»); 2) Распределение ресурсов по максимально возможному пространству

геополитической доски (китайские инвестиции в Африке, евразийские проекты, деятельность в Латинской Америке, взаимоотношения Пекина с живущими за рубежом китайцами *хуацяо*); 3) Очерчивание сферы влияния (*моян*) при помощи поставленных камней (проецирование влияния на Евразию и северную часть Индийского океана); 4) Удержание инициативы как приоритет в международных отношениях; 5) Ориентация на поиск многоцелевых ходов (*шоуцзинь*). Китайское присутствие в Афганистане, в какой бы форме оно ни проявилось, является таким многоцелевым ходом, поскольку нацеливается на решение множества задач: развития Синьцзяна; борьбы с сепаратизмом, исламским радикализмом и терроризмом, наркоторговлей как на своих восточных территориях, так и на территории Пакистана; обеспечения архитектуры безопасности на всём пространстве центральноазиатского региона; расширения возможностей по экономическому сотрудничеству со странами Центральной Азии и Ближнего Востока; диверсификации маршрутов Нового шёлкового пути; обеспечения энергетической безопасности. Важнейшее значение для китайского мышления в духе вэйци имеют стандартные последовательности и формы, встречающиеся в партии: *динши* и *гунхо*. Первая представляет собой равноценный стратегический обмен, чья выгода зависит от контекста; примерами этих форм в китайской стратегии становится сотрудничество КНР и Пакистана или сближение Китая и Филиппин. Второй паттерн – китайская версия «дилеммы безопасности», сформированная в таких вопросах, как Тайвань и Корея. В *гунхо* (дословно переводится как «общая жизнь») существование обеих групп становится более важным, чем потенциальные выгоды от уничтожения одной из них.

Слабость китайской парадигмы вэйци заключается в том, что она наиболее трудно усваиваема другими культурами в связи с объективными трудностями по изучению игры, что ведёт к искажению представлений о намерениях Китая. Более того, вэйци в отличие от других парадигм не может выступать в рамках китайского послания миру, поскольку не выходит за пределы упоминавшихся

ранее тезисов о взаимовыгодном сотрудничестве и равноправии партнёров как путеводной карте нынешних международных отношений. Тем не менее, освоение вэйци крайне желательно для любой силы, стремящейся к стратегическому партнёрству с Китаем. Весьма вероятно, что в дальнейшем Китай будет стремиться объединить практическую направленность парадигмы вэйци с более чётко артикулированным «глобальным посланием» конфуцианства.

Общий вывод по четвёртой главе: парадигмы китайской стратегической культуры оказывают значительное влияние на современную политику КНР и функционируют одновременно при поддержке «рамочной» стратегической парадигмы вэйци, но их функции относятся к разным геополитико-геокультурным областям.

**В заключении** кратко излагаются результаты проведённого исследования в соответствии с поставленными целями и задачами, а также характеризуются потенциальные области исследования стратегической культуры.

Парадигма	Этика войны	Критерий политической легитимности	Геокультурные представления	Геополитическая стратегия
Конфуцианская	Теория справедливой войны	Добродетель как результат «моральной практики»	Роль Китая заключается в культивации окружающих государств через собственный пример	Самоусиление и воздействие через мягкую силу
Моистская	Оборонительный пацифизм	Народное одобрение как результат «моральной практики»	Небо испытывает одинаковую любовь ко всем живущим под ним; варвары принципиально не отличаются от <i>хуася</i> , хотя и существуют культурные отличия	Расширение оборонительных возможностей и создание межгосударственной системы стабильности
Легистская	Милитаризм (аморальный реализм)	Сила	Культурные факторы не играют существенной роли	Экспансионизм, поддерживаемый экономическим «бумом» за счёт политики колонизации
Вэйци	Умеренный реализм: война в качестве крайнего средства	Признание партнёром	Культурные различия признаются для оптимизации стратегии в каждом конкретном случае	Формирование широкой сети двухсторонних связей

**Таблица 1.** Концептуальная матрица китайской стратегической культур

## **ПУБЛИКАЦИИ АВТОРА ПО ТЕМЕ ДИССЕРТАЦИОННОГО ИССЛЕДОВАНИЯ**

По теме работы написаны и опубликованы в изданиях из списка ВАК следующие статьи:

1. Геополитика великой доски вэйци // Международные отношения, №2, 2018. С. 193-204. DOI: 10.7256/2454-0641.2018.2.26687
2. Игровая геополитика: «управление хаосом» Великой шахматной доски против «построения порядка» Великой доски вэйци // Век глобализации, №2, 2018. С. 57-71. DOI: 10.30884/vglob/2018.02.05
3. Этика войны Мо Ди // Международные отношения, №3, 2018. С. 40-54. DOI: 10.7256/2454-0641.2018.3.27429